

конецъ, объявить слѣдователю: «да, это я ихъ всѣхъ убилъ, я сбумѣлъ коварно вкрасться въ довѣріе этого отца семейства, я заманилъ его въ западню. я поднесъ ему страшнаго, мгновенно убивающаго яда. Старшаго сына я вызвалъ въ Парижъ помощью подлога; онъ спѣшилъ туда на зовъ отца съ сыновней покорностью, и я его зарѣзалъ; но прежде заставилъ его написать подъ мою диктовку нѣсколько страницъ къ матери, чтобы она прѣехала на зовъ сына, какъ сынъ прѣхалъ по мнимому приказанію отца: «прѣзжайте всѣ», заставилъ я его написать:—«привозите и дѣтей, мы всѣ соединимся и будемъ счастливы». Это свидѣтельство ихъ я—я, ихъ убилъ! я и т. д. Я приваленныхъ, уложилъ въ уговоренную для нихъ могилу».

Вотъ въ чемъ признался человѣческимъ устамъ! Вотъ что онъ сдѣлалъ! Ему потребовалось около мѣсяца на совершеніе задуманныхъ преступленій—вотъ сколько времени нужно было чтобы истребить цѣлую семью. Онъ былъ убійца въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Восемь чловѣкъ умертвилъ онъ по одиночкѣ, предательски, ночью, съ неумолимой жестокостью, и не разу сердцемъ или рукою его не овладѣло спасительное малодушіе.

Понятно, какое страшное волненіе повсемѣстно подняло это преступленіе. Произошло всеобщее глубокое потрясеніе, единодушный порывъ состраданія, и почувствовалась жгучая потребность въ правосудіи. Но этимъ не ограничилось народное чувство: эти законныя и величественныя проявленія возмущеннаго общественнаго мнѣнія не остались безъ примѣси. Мы могли бы сказать, всегда-ли толпы народа, валившія къ разверзтой ямѣ, въ которой лежали убитые, соблюдали благочиніе и уваженіе подобающее этому ужасному полю. Мы могли бы сказать, всегда-ли джорджично возбужденною журналистскою псалочительно руководило безкорыстно-страстное желаніе служить правосудію. Тутъ вошелъ-бы не малый матеріалъ для разсужденій—но не этихъ я долженъ васъ занять. Наша общія, высокая задача не допускаетъ отступленій отъ главнаго предмета; мы въ настоящее время должны всецѣло отдаться великой обязанности, которую возлагаетъ на насъ общественное правосудіе, и исполнить ее до конца, съ опечаленною душою, но спокойнымъ духомъ и свѣтлой совѣстью. Вамъ извѣстно, какимъ образомъ были открыты тѣла жертвъ убитыхъ въ ночь съ 19 на 20 сентября.

Одинъ земледѣлецъ отправлялся на работу въ Пантенскую равнину. Проходя полемъ, смежнымъ съ его полемъ, онъ замѣчаетъ на землѣ кровь, повидимому недавно пролитую; это обстоятельство смущаетъ его и возбуждаетъ его вниманіе. Онъ по кровавому слѣду доходитъ до мѣста, на которомъ земля очевидно только что была взрыта; онъ ее разрываетъ рабочимъ инструментомъ и открываетъ мертвое тѣло. Онъ не рѣшается самъ продолжать розысканій; онъ снова засыпаетъ землею человѣческія останки, и спѣшитъ уведомить агентовъ общественной власти. Они сбѣгаютъ къ указанному мѣсту, раскапываютъ землю и находятъ шестъ труповъ, нагроможденныхъ кучею въ одной обширной ямѣ, которая выдаетъ право-

ДѢЛО ТРОПМАНА.

(Продолженіе).

Обвинительная рѣчь прокурора Гранперре.

Господа присяжные! надъ человѣкомъ, который является передъ вами, тяготѣетъ ужасное обвиненіе; но это обвиненіе, какъ ни страшно оно, вызвано имъ самимъ. Настала минута, когда вамъ надлежитъ перечестъ умерщвленныхъ имъ жертвъ. Онъ истребилъ цѣлую семью, честную, пользовавшуюся заслуженнымъ счастьемъ. Отецъ семейства, мать, старшій изъ сыновей, младшія дѣти,—всѣ пали жертвами его ужасныхъ козней; и всю эту группу живыхъ существъ, столь другъ другу дорогихъ, онъ превратилъ въ груду труповъ. Не думаю, чтобы когда либо судьямъ приходилось произносить приговоръ надъ болѣе страшнымъ подсудимымъ.

Онъ долго отпирался отъ своихъ преступленій, и чтобы объяснить смерть своихъ жертвъ, оскорбилъ ихъ память; въ послѣдствіи, подавленный уликами, собранными противъ него слѣдователями, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя признанія; еще позднѣе, когда приближалась минута появленія его передъ ассизнымъ судомъ, онъ пытался, посредствомъ новыхъ показаній, спрятаться за воображаемыхъ соучастниковъ, но, несмотря на всѣ его колебанія и отнѣкиванья, онъ вынужденъ былъ, на-

судью ужасную тайну вверенную ей убийцею.

Вамъ известно, какія ужасныя раны оказались на этихъ трупяхъ при осмотрѣ ихъ докторами. Г-нъ Кинкъ было нанесено девятнадцать ударовъ ножомъ въ спину. По некоторымъ изъ этихъ ранъ можно судить о ужасной силѣ съ которою наносились удары; одна изъ нихъ, нанесенная въ самую середину спины близъ позвоночнаго хребта, проходила въ грудь, и опущенный въ нее зондъ уходилъ странно глубоко. На шеѣ была широкая рана, доходившая до дыхательнаго горла, которое т. е. оказалось прорваннымъ. Было еще нѣсколько ранъ на передней части тѣла, на груди, на животѣ и, медики заявили, что г-жа Кинкъ находилась на шестомъ мѣсяцѣ беременности. У старшаго изъ пятерыхъ дѣтей, Эмиля, 13 лѣтъ, шея была крѣпко стянута фуляромъ, принадлежавшимъ подсудимому. Кроме того, ему было нанесено нѣсколько ударовъ киркою въ голову. Всѣ раны, по докладу медиковъ, оказались на правой сторонѣ головы, а черепъ проломленнымъ. У втораго сына, Анри, 10 лѣтъ, голова тоже была изувѣчена. Кирка попала тупымъ концомъ въ лобъ и пробила четвероугольное отверстие, вдавивъ въ мозгъ выломленный кусокъ кости; другимъ ударомъ была разожжена вся правая сторона головы. Третій ребенокъ, Шарль, 7 лѣтъ, оказался задушеннымъ; слѣды удушения посредствомъ давленія рукою не оставляли въ томъ сомнѣнн; убийца затѣмъ нанесъ ребенку множество страшныхъ ударовъ, и медики насчитываютъ невѣроятное множество ранъ, описаніе которыхъ я не намѣренъ приводить. Ограничусь слѣдующими указаніями: правый глазъ выколотъ и вдавленъ, и въ эту рану вытекла смѣсь мозгового вещества съ кровью; вся лѣвая сторона лица разожжена киркою—остались одни окровавленные клочья мяса, перемѣшенные съ осколками костей. Потомъ былъ вынутъ трупъ Альфреда, 6 лѣтъ, раны на немъ оказались во всемъ подобныя ранамъ найденнымъ на другихъ жертвахъ; не стану я ихъ описывать, потому что спѣшу покончить съ этими подробностями. Достаточно будетъ замѣтить для памяти, что, кроме переломовъ кости отъ ударовъ киркою, на этомъ ребенкѣ оказалось нѣсколько легкихъ ранъ, указывающихъ, по своему свойству и положенію, на нѣкоторыя усилія къ защитѣ. Тогда какъ на другихъ жертвахъ эксперты не нашли слѣдовъ борьбы или сопротивленія; они находятъ основаніе полагать, что шестилѣтній мальчикъ отбивался и старался защитить себя хотя бы только тѣмъ, что инстинктивно поднималъ руки, чтобы отклонить удары. Такъ, напримѣръ, оказался обрѣзъ на лѣвой рукѣ, на одномъ пальцѣ которой нашли двѣ небольшія ранки. Наконецъ, вынули шестой и послѣдній трупъ—Марин-Гортензій, двухлѣтняго ребенка. Убийца всадилъ ей ножъ въ правый глазъ и нанесъ еще нѣсколько ранъ киркою же или угломъ засѣку. Кости вываливались изъ большой раны.

Таковы вкратцѣ показанія медиковъ. Вамъ также известно, что въ самое утро открытія тѣлъ, въ полтора часа или двухъ часахъ метрахъ отъ ямы, въ которую онѣ были зарыты, были найдены на землѣ, сначала ручка отъ сломаннаго ножа, а нѣсколько минутъ спустя клинокъ того же ножа.

Открытіе это сдѣлано было утромъ 20 сентября; но еще не обо всѣхъ жертвахъ было известно. Имѣлись только тѣла г-жи Кинкъ и ея пяти младшихъ дѣтей. Нѣсколько дней спустя открыли тѣла старшаго сына, Густава. Это случилось 26 сентября. Въ этотъ день одному изъ свидѣтелей, пришедшему осмотрѣть поле, показалось, что земля подается у него подъ ногами. Онъ раскопалъ землю руками и сейчасъ же нашелъ клочекъ какой-то матеріи. Вскоръ затѣмъ, при помощи еще нѣсколькихъ лицъ онъ вынулъ изъ могилы еще тѣло—тѣло Густава. Оно какъ и прочія было страшно обезображено. Все лицо было разожжено, а на шеѣ была огромная рана, въ которой такъ и остался ножъ убийцы. Докторъ въ своемъ докладѣ, чтобы дать понятіе о размѣрахъ этой раны, говоритъ, что въ нее легко бы вошла оба кулака взрослого человека (*общее солленіе*).

Оставалось отыскать тѣло самого отца семейства—не потому, замѣтите, чтобы это было сколько нибудь важно для признанія виновности подсудимаго, такъ какъ было вѣрно дознано съдѣльемъ, что убийца г-жи Кинкъ и ея дѣтей началъ съ того, что умертвилъ отца семейства, но долготъ велѣть отыскать тѣло жертвы. Этотъ долготъ былъ тщательнѣе выполненъ; но прошло три мѣсяца прежде чѣмъ отыскалось это тѣло и до тѣхъ поръ все розыскіе оставались безуспѣшными. Они производились въ мѣстности пересѣченной рощами, прудами, болотами, лѣсами, и потому весьма неудобной для подобнаго рода операций. До 25 ноября не находили ничего. Въ этотъ день, по указаніямъ самаго подсудимаго, по его признаніямъ, отыскивали тѣло Жана

Кинка. При этомъ присутствовали судебныя власти вмѣстѣ съ агентомъ нарочно высланнымъ изъ Парижа и множествомъ рабочихъ. Они взобрались на высокую гору, углубились въ лѣсъ и пришли къ вершинѣ горы, увѣнчанной развалинами феодальнаго замка—это было указанное мѣсто. Начались розысканія, — какъ другъ одинъ изъ рабочихъ вскрикнулъ, возвысивъ этимъ, что что-то открылъ; побѣжали къ нему. Дѣйствительно, тутъ лежало тѣло Жана Кинка. Рабочій сдвинулъ съ мѣста огромный камень, ударилъ въ землю киркою, — показали доскуты бѣлья, затѣмъ обувь. Тѣло лежало въ ямѣ оставшейся послѣ вынутаго изъ земли колоды. Убийца пришлось его нѣсколько согнуть, чтобы оно умѣстилось въ эту яму; сверху онъ прикрывъ его камнями.

Итакъ трупы всѣхъ восьми жертвъ были налицо; нужно было немедленно заняться изслѣдованіемъ средствъ употребленныхъ убийцею для умерщвленія Жана Кинка. Изъ заявленія самаго Тропмана известно было, что онъ отравилъ его синильной кислотой, и на другой же день послѣ открытія тѣла, о которомъ дано было знаніе въ Парижѣ по телеграфу, судебный слѣдователь обратился къ г. Руссену съ вопросомъ можно-ли отыскать этотъ ядъ въ желудкѣ убитаго. Г. Руссенъ отвѣтилъ, что существуетъ синильная кислота составляемая изъ нѣсколькихъ указанныхъ имъ веществъ и что эту кислоту, добытую, безъ посредства перегонки, можно отыскать въ тѣлѣ отравленнаго даже и три мѣсяца спустя послѣ смерти. Если же, прибавилъ онъ, убийца употребилъ синильную кислоту добытую перегонкой, изслѣдованіе не можетъ ни къ чему привести.

Извѣстно было, что Тропманъ именно этимъ способомъ добывалъ употребленную имъ синильную кислоту, и потому не надѣялись отыскать яда въ тѣлѣ Жана Кинка. Не смотря на это вся часть тѣла, въ которой представлялась возможность найти ядъ, была отправлена въ Парижъ, а г. Руссену поручено произвести сдѣлать осмотръ. Тогда еще не знали, что за невозможностью доказать присутствіе синильной кислоты въ желудкѣ убитаго будутъ добыты другіе результаты, благодаря искусству и вниманію химика, которому поручалось отыскать слѣды яда.

Г. Руссенъ принялся за дѣло. При осмотрѣ всѣхъ внутренностей, одной за другой, ему не удалось выдѣлать ни малѣйшей частицы синильной кислоты. Онъ производилъ свои изслѣдованія въ первыхъ числахъ декабря, а 26 ноября говорилъ: «я не отыщу синильной кислоты посредствомъ перегонки. Но экспертъ замѣтилъ цвѣтъ слизистой оболочки желудка: цвѣтъ этотъ, синеватый, сильно удивилъ и поразилъ его, и въ тоже время послужилъ поводомъ къ новымъ изслѣдованіямъ. Отдѣливъ частицу этого синеватаго вещества, онъ произвелъ цѣлый рядъ опытовъ, которыми онъ только что описалъ вамъ и въ результатѣ опредѣлилъ, что это синеватое вещество есть вещество «органическое», смѣшанное съ синильной кислотой употребленною убийцею, и что это вещество не обладаетъ, подобно самой кислотѣ, способностью улетучиваться при разложеніи тѣла содержащаго его въ себѣ.

Здѣсь нужно припомнить какимъ образомъ Тропманъ добывалъ синильную кислоту. Онъ для этого употребилъ маленькій аппаратъ, о которомъ сейчасъ была рѣчь, реторту и приемникъ имѣвшій горлышки одно шире другаго, вставленные одно въ другое. Онъ нагрѣлъ реторту при помощи спиртовой лампы и въ эту реторту положилъ вещества указанныя вамъ. Но это опытъ, требующій большой осторожности и если не соразмѣрить въ точности степени теплоты въ веществахъ положенныхъ въ реторту, какъ сейчасъ говорилъ вамъ г. Руссенъ, происходятъ сотрясенія, отъ которыхъ часть этихъ веществъ выдѣлывается въ приемникъ и тогда въ приемникѣ содержащемъ синильную кислоту образуется какъ разъ то самое вещество, присутствіе котораго г. Руссенъ опредѣлилъ въ тѣлѣ Жана Кинка—синильная кислота, добытая изъ цѣпкаго желѣза и потассія. Это вещество почти всегда примѣшивается къ синильной кислотѣ изготовленной неопытной рукою. По этому г. Руссенъ утверждаетъ, что хотя онъ и не могъ выдѣлать изъ тѣла Жана Кинка ни малѣйшей частицы собственно синильной кислоты, однако присутствіе въ немъ этого яда не подлежитъ сомнѣнію, благодаря осадку оставленному имъ при улетученіи.

Итакъ, какъ я уже говорилъ вамъ, тѣла всѣхъ жертвъ были налицо. Въ личностяхъ ихъ не трудно было удостовѣриться? 20 сентября узнали г-жу Кинкъ и ея дѣтей, 26 — Густава, а 24 ноября — Жана Кинка. Это дѣйствительно были тѣла всѣхъ Кинковъ, честнаго семейства, о которомъ были сдѣланы самыя благопріятныя показанія. Жанъ Кинкъ родомъ былъ изъ Гебвиллера, поселился въ Рубе въ 1850 году бѣднякомъ, ничего не имѣя. Въ 1852 году онъ женился на Гортензій Руссель, у которой тоже не было никакого со-

стоянія, но она принесла ему въ приданое преданность, чистоту нравовъ, сердце любящей подруги и нѣжной матери. Жанъ Кинкъ, по ремеслу механикъ-товарь, обзавелся небольшою мастерскою, отъ которой кое что нажилъ, такъ что въ послѣдствіи могъ въ разное время купить три дома въ Рубе. Ему кроме того принадлежала земля въ Бюль, близъ Гебвиллера, къ которой онъ собирался прикупить еще земли. Были у него еще, вдобавокъ, нѣкоторыя движимыя цѣнности, такъ что всего состоянія у него набиралось до сотни-тысячъ франковъ.

Говорятъ будто между супругами возникло несогласіе по поводу имѣнія въ Альзасѣ. Мужу хотѣлось тамъ поселиться и устроить какой нибудь заводъ, потому что на его землѣ есть водопадъ, который могъ бы служить двигательной силой. Жена угорваривала его оставаться въ Рубе, но это разногласіе никогда серьезнымъ не было и даже было совершенно устранено послѣ того какъ Жанъ согласился пробыть еще три года въ Рубе.

будившему его внимание, спрашивает его имя и требует у него бумагъ. Незнакомец запинаясь отвѣчаетъ, на всякій случай говоритъ свое имя, но заявляетъ, что у него нѣтъ паспорта. Жандармъ приказываетъ ему идти за собой къ императорскому прокурору; незнакомецъ смущается, но слѣдуетъ за полицейскимъ, который по дорогѣ спрашиваетъ его откуда онъ, — онъ отвѣчаетъ, что изъ Руба. Это имя вдвойнѣ возбуждаетъ внимание жандарма, такъ какъ молва о Паптенскомъ убійствѣ успѣла уже дойти и до берега моря. Въ умѣ его мелькаетъ подозрѣніе; онъ спрашиваетъ своего арестанта по какой дорогѣ онъ пріѣхалъ въ Гавръ и, выслушавъ его отвѣтъ, возражаетъ: «ужъ не на Паптенъ ли вы пріѣхали? Подсудимый отъ этихъ словъ вздрагиваетъ. Жандармъ тотчасъ замѣчаетъ его смущеніе. Въ эту минуту пробѣгаетъ карета и отдѣляетъ жандарма отъ арестанта, послѣдній бѣгомъ направляется къ одному изъ бассейновъ, бросается на плоть, а съ плота въ воду. Жандармъ бѣжитъ за нимъ, зоветъ на помощь и спрашиваетъ не умѣетъ ли кто изъ присутствующихъ плавать. Въ числѣ ихъ находится Гогель. Онъ бросается на плоть; жандармъ кричитъ ему: берегитесь, вы можете быть пѣвѣе дѣло съ убійцею». Безстрашный Гогель не задумываясь кидается въ воду и глубоко ныряетъ. Тотъ, котораго онъ хочетъ спасти попадаетъ подъ киль лодки. Онъ самъ поднырываетъ подъ киль, хватается незнакомца, который старается задушить его, высвобождается отъ него, на мгновенье всплываетъ на поверхность воды, опять неустрашимо ныряетъ и наконецъ доставляетъ на берегъ человѣка, надѣлавшаго всю эту суматоху. Человѣкъ этотъ, господина, былъ Тропманъ.

Тропманъ, какъ вамъ извѣстно, сынъ механика въ Серви. До 14 лѣтъ онъ учился въ первоначальной школѣ, за тѣмъ поступилъ въ ученіе къ отцу. Отецъ его изобрѣлъ особаго-рода машину для изготовления картонныхъ трубокъ, употребляемыхъ на бумаго-прядильныхъ заводахъ, и, чтобы протѣсти свое изобрѣтеніе въ ходъ, вступилъ въ товарищество съ нѣкимъ Комоли. Шагъ этотъ оказался неудачнымъ, и обонкъ товарищескій привелъ въ состояніе близкое къ нуждѣ. На подсудимомъ тяжело отсызвалось стѣснительное положеніе. Онъ лично страдалъ отъ него и у него не хватало мужества и терпѣнія переносить его; онъ весь предался измышлению средствъ, какия бы ни были они, чтобы нажить состояніе. Объ этомъ пунктѣ вы слышали много, значительныя показанія. Такъ на примѣръ г. Клеманъ заявилъ, что Тропманъ часто говорилъ о своемъ страстномъ желаніи разбогатѣть и увѣрялъ, что если представится къ тому случай, онъ имъ воспользуется, хотя бы пришлось бѣжать за границу и возвратиться только тогда когда все успѣетъ забыться. Подсудимый отвергалъ показанія этого свидѣтеля, который отстаивалъ свои слова съ убѣжденіемъ не оставлявшимъ сомнѣній въ его искренности. Другая свидѣтельница, Софія Гайеръ, служившая горничной въ домѣ, гдѣ подсудимый квартировалъ въ Руба, однажды увидѣла Тропмана, облокотившагося на столъ въ ея комнатѣ и подшунула надъ его озабоченностью. Нѣтъ, отвѣчала ей Тропманъ: — я думаю не о любви, я думаю объ одномъ предпріятіи; если оно удастся, это будетъ мнѣ счастіемъ, — если не удастся, тогда я пропаду. Около того же времени онъ говорилъ еще другому свидѣтелю, г. Тамблн, что сдѣлаетъ что нибудь такое, чѣмъ удивитъ свѣтъ. А когда свидѣтель присталъ къ нему съ вопросами, онъ отвертѣлся тѣмъ, что будто носится съ однимъ изобрѣтеніемъ, котораго не хочетъ разглашать изъ боязни чтобы кто нибудь другой не перехватилъ его и не сдѣлалъ себѣ состояніе. Наконецъ, господина, вамъ извѣстно, что этотъ человѣкъ, такой на видъ тщедушный, обладаетъ большою мускульною силою. Вы вчера выслушали показаніе доктора Бержерона. По его отзыву Тропманъ способенъ въ данную минуту выказать огромную мускульную силу, которую въ значительной степени развила въ немъ его профессія механика. Таковъ человѣкъ, надъ которымъ вамъ слѣдуетъ произнести приговоръ.

Мы знаемъ все убійства совершенныя имъ одно за другимъ. Мы знаемъ съ какою жадностью и какъ твердо рѣшился онъ составить себѣ состояніе. Мы знаемъ какіе злобные расчеты и предположенія замышлялись въ его умѣ, просвѣчивали даже въ его рѣчахъ, когда у него еще не было опредѣленнаго плана, когда въ словахъ его только смутно выражалась зловерная самоувѣренность порожденная маіей. Мы знаемъ какъ въ послѣдствіи все способности его сосредоточились на замыслѣ дѣйствительно долженствовавшемъ изумить свѣтъ, знаемъ съ какою дѣятельностью, какимъ упорствомъ, какою отвагою, какою жестокостью онъ выполнилъ этотъ замыселъ; знаемъ, на что онъ употребилъ силу рукъ своихъ и что, отравивъ одну изъ своихъ жертвъ, онъ другихъ ухитрился биркою, ножомъ, или задушилъ.

Вамъ извѣстно какую систему защиты сначала принялъ подсудимый. Во все время слѣдствія, до самаго дня, когда судебный слѣдователь, все разъяснивъ, все разсмотрѣвъ, все взвѣсивъ, все доказавъ, передалъ дѣло въ прокурорскій надзоръ, — что говорилъ подсудимый? Онъ говорилъ, что былъ лишь слѣпымъ орудіемъ, а что настоящими убійцами были Жанъ Кинкъ и сынъ его Густавъ. И такъ, онъ вызываетъ память двухъ своихъ жертвъ и сваливаетъ на нихъ обвиненіе. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ чудовищъ, на которыхъ долженствовало сосредоточиться весь ужасъ дѣла. Самъ же онъ, Тропманъ, ступовывался за ними и являлся только невольнымъ соучастникомъ, приводившимъ жертвы къ палачу, почти самъ того не зная. И мало ему того, что поругалъ память отца семейства и старшаго сына, надо было еще надругаться и надъ матерью. Это была, говорилъ онъ, развратная женщина, преступная жизнь которой вооружила противъ нее мужа; по его словамъ, Жанъ Кинкъ рѣшился распродать все свое имущество и на эти деньги переселиться въ Америку, вѣтъмъ сообщить ему, Тропману, о своемъ намѣреніи, не упоминая однако о злодѣяніяхъ имѣвшихъ предшествовать его отъѣзду. Онъ уговорилъ его ѣхать съ нимъ, обѣщавъ дать ему въ займы денегъ и послѣ того употреблялъ его какъ орудіе при переноскѣ и другихъ вѣщахъ, которыми онъ подготавливалъ задуманныя преступленія и бѣгство. Для послѣдняго свиданія съ женою онъ выбралъ Паптенское поле, знакомою ему потому, что онъ когда то жилъ по сосѣдству. Слѣдуя его инструкціямъ онъ, Тропманъ, встрѣтилъ жертву на станціи желѣзной дороги и привелъ ихъ къ Жану и Густаву, ожидаямъ ихъ, чтобы лишитъ ихъ жизни. На слѣдующій день онъ встрѣтился съ Густавомъ, который объявилъ ему о совершенномъ преступленіи и указалъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Гавръ, гдѣ собирался съ отцомъ сдѣлать пужныя приготовления къ отъѣзду въ Америку. Въ послѣдствіи Жанъ Кинкъ убилъ Густава, помогавшаго ему въ первомъ злодѣяніи.

Вотъ какой системы держался подсудимый во все время слѣдствія. Онъ упорно отстаивалъ это сплетеніе лжи, пока основывалъ на немъ какую нибудь надежду. Онъ боролся до послѣдней крайности. У него на все находились отвѣты. Онъ употреблялъ всевозможныя хитрости, чтобы оставить въ дѣлѣ хоть сколько нибудѣ тѣни могущей укрыть его. Но свѣтъ преслѣдовалъ его, проливался на все, не давалъ ему покоя; улики неумолимо приковылали его къ трупамъ его жертвъ. Только когда судебный слѣдователь уже сдалъ дѣло, когда подсудимый уже готовился предстать передъ судомъ, онъ поплалъ наконецъ что надо отбѣжаться отъ колушества, надававшего лишней тяжестью на него же голову. Тогда начались признанія, правосудіе въ нихъ не нуждалось. Потому что не было ни одного изъ ложныхъ показаній подсудимаго, которое давнымъ давно не было бы опровергнуто.

Во первыхъ, нравственно невозможно было допустить, чтобы Жанъ Кинкъ совершилъ прищепляемое ему злодѣяніе. Вѣроятно ли было, чтобы этотъ человѣкъ, трудомъ и бережливостью накопившій небольшое состояніе, владѣвшій землею на родной сторонѣ и мечтавшій прикупить тамъ же еще земли, — распродать имущество, при-

обрѣтенное гавннѣ честнымъ путемъ, для того чтобы пуститься въ далекую страну, въ какое-то таинственное предпріятіе! Возможно-ли было повѣрить, чтобы этотъ человекъ, извѣстный какъ достойный мужъ и добрый отецъ, убилъ жену и дѣтей. Жену — въ какое-то вымышленное распустье, которое опровергается всей ея жизнью, и наконецъ — дѣтей, сначала младшихъ, потомъ старшаго, помогавшаго ему совершить первыя злодѣянія. Тутъ, повторяю, представлялась нравственная невозможность, одинаково возмущавшая умъ и сердце.

Но какъ глубоко ни было это чувство, имъ однимъ далеко не ограничивалось опроверженіе показаній Тропмана: противъ него имѣлись нѣкныя собранныя доказательства, подавляющія улики, собранныя слѣдствіемъ. Улики эти тѣснили его, душили, какъ ни держался онъ смѣло и какъ ни говорилъ увертливо. Судите сами, господа, вамъ извѣстно какимъ образомъ Жанъ Кинкъ сблизился съ Тропманомъ: Тропманъ пріѣхалъ въ Руба помѣстить на одномъ заводѣ изобрѣтенную отцомъ его машину, о которой и сейчасъ говорилъ вамъ; при одинаковомъ происхожденіи и одинаковыхъ занятіяхъ, они должны были легко сблизиться. Тропманъ часто ходилъ къ Жану Кинку, особенно въ послѣднее время своего пребыванія въ Руба. Изъ этого города онъ уѣхалъ 18 августа текущаго года — число это самымъ достовѣрнымъ образомъ опредѣлено мануфактурщикомъ, для котораго работалъ Тропманъ. И такъ, онъ уѣзжаетъ изъ Руба 18 августа. Шесть дней спустя, Жанъ Кинкъ въ свою очередь уѣзжаетъ. Куда? зачѣмъ? Почему не возвращается? Онъ уѣхалъ по полученіи письма, вызывавшаго его въ Альзасъ. Отъ кого было это письмо? Письмо отъ 21 августа! Стало бытъ подсудимый, выхавъ изъ Руба, 18, 21 писалъ Жану Кинку, что ждетъ его въ Альзасѣ. Для чего же, спрашивали подсудимаго на слѣдствіи, вызывалъ онъ его въ Больвиллеръ. Жанъ Кинкъ, оговѣчалъ подсудимый, ѣхалъ къ нему туда, чтобы сообщить ему о задуманномъ отъѣздѣ въ Америку.

Отвѣтъ этотъ не выдерживалъ ни малѣйшей критики. Невозможно было допустить, чтобы Жанъ Кинкъ отправился въ Альзасъ единственно съ цѣлію повидаться съ Тропманомъ, который только что уѣхалъ изъ Руба. Правдоподобіе было бы, если бы подсудимый сказалъ, что на этомъ свиданіи было принято окончательное рѣшеніе на счетъ преступленія и что они съ Кинкомъ стоворились о способѣ совершенія его. Но Тропманъ увѣрялъ, что въ эту минуту онъ и не подозрѣвалъ преступныхъ намѣреній Жана Кинка и что единственной цѣлью свиданія было поговорить объ отъѣздѣ въ Парижъ, а потомъ въ Америку. Наконецъ, Жанъ Кинкъ, будучи почти у воротъ Говвиллера, туда не явился, а семейство его ждало. Онъ отъ своихъ не скрылъ своей поѣздки, а напротивъ самъ сказалъ имъ. Пять дней спустя хотѣли встрѣтить его на станціи и не могли дожидаться. Онъ находился рядомъ съ любимымъ своимъ имѣніемъ близъ Бюля и не завернулъ взглянуть на него. Это роковое путешествіе очевидно должно было занять всего нѣскольکو дней, потому что передъ отъѣздомъ онъ ходилъ къ одному изъ родныхъ своихъ и просилъ его на это время замѣнить себя. Самъ Тропманъ, въ письмѣ отъ 21 Августа, писалъ: «вы можете возвратиться ко 2-му сентября». Въ довершеніе всего Жанъ Кинкъ не ходилъ за поклажею, оставленною имъ въ Гульцѣ. Явно, что подсудимый долженъ былъ нести отвѣтственность за исчезновеніе Жана Кинка, что ему и говорилъ судебный слѣдователь.

Въ послѣдствіи подсудимый далъ другія объясненія, онъ сказалъ, будто Жана Кинка заманила въ Альзасъ надежда на противузакошную пошлю, будто онъ туда ѣхалъ съ намѣреніемъ дѣлать фальшивую монету. На этотъ счетъ у насъ есть свѣдѣнія рѣшающія вопросъ. Мы знаемъ, что у Жана Кинка всегда была мысль поселиться въ Альзасѣ, что онъ намѣревался надстроить еще этажъ надъ своимъ домкомъ въ Бюль. Этого мало, — намъ извѣстны слова, сказанныя имъ конфиденціально одному изъ своихъ сосѣдей. Свидѣтелю Д. Осонвилло онъ откровенно сообщилъ свои

ДѢЛО ТРОПМАНА.

Обвинительная рѣчь прокурора Гранперре.

(Продолженіе).

Во время слѣдствія и самаго суда были выслушаны всѣ лица коротко знавшія супруговъ Кинкъ — родные мужа, родные жены, ихъ дальніе родственники, ихъ сосѣди, и всѣ отзывались о нихъ съ любовью и уваженіемъ; всѣ упоминали о ихъ согласной жизни; о ихъ бережливости, о ихъ трудолюбии, ихъ нѣжной любви къ дѣтямъ, за которую дѣти платили имъ тою же любовью. Вамъ извѣстно съ какою нѣжностью Густавъ говорилъ объ отцѣ; это былъ молодой человекъ почтительный, покорный, онъ жилъ близъ отца потому что никогда не могъ разстаться съ нимъ. Отецъ его уѣхалъ 24 августа въ Руба, а 28-го уже Густавъ писалъ ему: «Мы только и думаемъ, какъ-бы вы скорѣе возвратились.» Этого письма, увы, не суждено было прочесть тому, къ кому оно было адресовано. Когда Густавъ самъ былъ заточенъ въ Альзасъ кознями подсудимаго, и говорилъ съ своею теткою Роллеръ объ отцѣ, глаза его, по словамъ этой свидѣтельницы, наполнились слезами; затѣмъ, когда онъ пріѣхалъ изъ Гебнплера, убѣжденный, что отецъ зоветъ его въ Парижъ, онъ сказалъ другому свидѣтелю: «я не останусь болѣе ни одной минуты; я уже три нѣдѣли не видалъ отца; какъ бы не быстро мчался поѣздъ, который понесетъ меня къ нему, онъ мнѣ покажется черезчуръ медленнымъ.» Второй сынъ, Эмиль, написавъ отцу, говорилъ одному изъ свидѣтелей: «о, я написалъ ему нѣжное письмо, — онъ запечатъ и возвратится.»

Вотъ какъ супруги Кинкъ воспитали дѣтей своихъ, вотъ какия чувства господствовали въ этой счастливой семьѣ. Она представляетъ трогательную картину, на которой пріятно отдохнуть взорамъ прежде чѣмъ возвратиться къ трупамъ. Помимо даже участія, которое внушаютъ жертвы, нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ согласію этихъ двухъ ремесленниковъ, начавшихъ жизнь ни съ чѣмъ, и, понемногу, возвысившихъ свое положеніе въ обществѣ помощью этихъ двухъ всемогущихъ силъ любви къ труду и любви къ семьѣ: трудъ — это великій соорудитель, которымъ располагаетъ каждый имѣющій охоту и энергію; семья, т. е. отецъ, мать, дѣти — имена вѣчно свидѣтели и дороги, высвѣченныя въ глубочайшемъ тайникѣ души, если только душа цѣльна, если къ этой любви присоединится страхъ Божій. (Сильное волненіе). Да, жили они въ нѣжномъ согласіи и благоденствіи, члены этой семьи! И вотъ, вдругъ все это зданіе рушится. Является человекъ: подъ личиною дружбы, въ немъ загорается гнусная алчность, заражается замыслѣ похитить у нихъ состояніе, истребивъ ихъ всѣхъ до одного, и онъ такъ ловко принимаетъ свои мѣры, что отъ него не ускользаетъ ни одна изъ намѣченныхъ жертвъ.

Его не замедлили арестовать, уже 23 сентября, въ Гавръ; жандармъ Ферранъ встрѣчаетъ двухъ молодыхъ людей и обращаетъ вниманіе на одного изъ нихъ, который оборачивается поравнявшись съ нимъ и пройдя мимо. Онъ слѣдитъ за ними и видитъ, что они входятъ въ кабакъ. Жандармъ возвращается назадъ, входитъ въ тотъ же кабакъ и, обращаясь къ лицу воз-

планы на счет своего имѣнія въ Бюль и сказалъ ему, что одинъ изъ его друзей взялся вести переговоры о приобретѣннн смежнаго участка, и когда это говорилось?— говорилось это послѣ отъѣзда Тропмана изъ Рубэ, послѣ 18 августа, числа положительно опредѣленнаго Д'Оссонвилемъ. Подсудимый вѣроятно придумалъ предлогъ, чтобы заманить его въ горы, близъ Геронфули. Вы знаете, что онъ находчивъ былъ на предлоги и что сумѣлъ завлечь на Пантенское поле, сперва Густава Кинка, затѣмъ г-жу Кинкъ и дѣтей ея. И такъ онъ придумалъ какой нибудь предлогъ и привелъ Жана Кинка на избранное имъ мѣсто. Багажъ былъ оставленъ въ Зульцѣ и тамъ же въ конторѣ омнибусовъ они сѣли; домился въ которомъ часу омнибусъ отходитъ и на какомъ мѣстѣ можно будетъ сѣсть въ него вечеромъ, чтобы добраться до цѣли путешествія.

Въ добавокъ, господа, кѣмъ взводится это обвиненіе? Тропманомъ, однимъ Тропманомъ, т. е. тѣмъ же человѣкомъ, который обвинилъ Кинка въ убійствѣ жены и дѣтей, который оклеветалъ г-жу Кинкъ, который во все время настоящаго дѣлопроизводства не говорилъ ничего кромѣ лжи. На подобныя оскорбленія памяти жертвъ можно отвѣчать только молчаніемъ.

Но это, господа, выдумка сдѣланная въ послѣднюю минуту. Возвратимся лучше къ системѣ, которой Тропманъ держался во все время слѣдствія.

Во-первыхъ, онъ будто бы видится съ Жаномъ Кинкомъ на станціи желѣзной дороги въ Бельвиллерѣ; потомъ они вмѣстѣ будто сѣли въ омнибусъ и добрались въ Зульцъ, гдѣ закусили въ кабацкѣ; затѣмъ отправились въ сторону Ватвиллера, прошли за Ватвиллеръ и, въ четырехъ или пяти лье оттуда, вечеромъ, разстались на большой дорогѣ. Жанъ Кинкъ пошелъ по дорогѣ въ Зульцъ, а подсудимый по дорогѣ въ Сернэ.

Таковы главныя черты защитительной системы, который придерживался подсудимый во все время слѣдствія. Его спрашивали, что же это за чекъ въ 5,500 фр., посланный г-жѣ Кинкъ до прибытія ея мужа въ Альзасъ. Чекъ этотъ дѣйствительно писанъ въ Альзасѣ. Кѣмъ писанъ? «Мною, объявилъ Тропманъ, но Жаномъ Кинкомъ подписанъ». Гдѣ писанъ? «Въ кабацкѣ, въ которомъ мы закусывали». Вѣроятно содержатель кабака далъ вамъ чернилъ, бумаги и конвертовъ? «Нѣтъ, у меня все это было при себѣ; бумага, конвертъ, почеркъ, все это мое». Положимъ такъ, но почему же чекъ не писанъ рукою Жана Кинка? Потому что Жанъ Кинкъ ушибъ себѣ руку». Но вѣдь чекъ былъ печатный; нужно было вписать всего семь словъ и если Жанъ Кинкъ могъ подписаться, онъ могъ бы написать и эти семь словъ. «Не знаю, я сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ мнѣ Жанъ Кинкъ». Да вѣрно-ли, Жанъ-ли Кинкъ подписался? «Да, отвѣчалъ Тропманъ, вѣрно». Нѣтъ, объявилъ экспертъ, осмотрѣвъ почеркъ, подпись сдѣлана не Жаномъ Кинкомъ, она сдѣлана тою же рукою, которая вписала слова въ чекъ, — рукою Тропмана. Вы можете быть думаете, что Тропманъ сдѣлалъ, — несколько. Если почерки сходны, сказалъ онъ, это потому, что, наполняя пробѣлы въ чекѣ, я подражалъ почерку Жана Кинка, а Жанъ Кинкъ, подписываясь, подражалъ моему почерку». Вотъ до какой степени Тропманъ цѣплялся за свою ложь. Но все это было чистой невозможностью. Тотъ, кто выдумывалъ всѣ эти небывлицы, очевидно былъ убійцею: онъ же составилъ подложный чекъ на 5,500 фр., онъ же поддѣлалъ на этомъ чекѣ, взятомъ на убитомъ имъ Жанѣ Кинкѣ, подпись своей жертвы; онъ же послѣдній находился при Жанѣ Кинкѣ; въ довершеніе всего, у него, не имѣвшаго до убійства никакихъ средствъ, послѣ убійства найдены были банковые билеты, деньги и всѣ бумаги Жана Кинка. Ясно было, что этотъ человекъ убійца. А затѣмъ, сдѣласть ли онъ или не сдѣласть признаніе, являлось вопросомъ маловажнымъ, такъ какъ всѣ его слова, какъ вы видите, опровергались фактами.

Тутъ оказывается еще вотъ какое обстоятельство. Подсудимый рассчиталъ, что г-жѣ Кинкъ понадобится нѣсколько дней для того чтобы получить письмо со вложеннымъ въ него чекомъ, затѣмъ взять 5,500 франковъ у банкира и отправить ихъ въ Г-бвиллеръ. 31-го августа онъ является въ почтамтъ въ Г-бвиллерѣ и требуетъ денежныхъ писемъ, выдавая себя за сына Кинка и предъявляя бумаги принадлежащія Кинку отцу. Почтамтскій чиновникъ говоритъ ему, что нужна довѣренность. Подсудимый уходитъ и возвращается 2 сентября съ довѣренностью. Какимъ образомъ эта довѣренность попала къ нему въ руки?—Вы сейчасъ увидите, господа, могли ли выдумки, къ которымъ прибѣгнулъ подсудимый, принести ему какую нибудь пользу. Вотъ что онъ гово-

рилъ на очной ставкѣ со свидѣтелями Гро, приѣмщикомъ въ гебвиллерскомъ почтамтѣ. «Во вторникъ, 31 августа, все происходило такъ какъ показываетъ свидѣтель. Я пришелъ утромъ изъ Сернэ къ Кинкѣ. Писемъ мнѣ не выдалъ». Самы видите— куда дѣвалось все, что говоритъ подсудимый. Когда онъ явился въ первый разъ, ему объявили, что необходима довѣренность отъ Жана Кинка. Онъ увѣрялъ, что отправлялъ въ Парижъ, съ оставленіемъ на почтѣ «до востребованія», письмо съ начальными буквами С. I. K., въ которомъ просилъ у Жана Кинка довѣренности. Это письмо не могло придти раньше 1 или 2 сентября и, въ случаѣ даже отправленія отвѣта въ тотъ же день, отвѣтъ этотъ могъ быть полученъ только 2-го. И что же? ищещо въ этотъ день подсудимый снова явился съ подложной довѣренностью.

Спрашивается, къ чему же служили всѣ объясненія, данныя подсудимымъ. Онъ уже не могъ явиться въ гебвиллерскій почтамтъ такъ какъ приѣмщикъ окончательно отказался выдать ему денежные письма, даже по предъявленіи подложной довѣренности. Съ другой стороны обманъ былъ разоблаченъ г-жею Лэйнъ (Lein). Онъ горячо увѣрялъ, что онъ сынъ Кинка. Г-жа Лэйнъ съ твердостью и полною увѣренностью объявляетъ приѣмщику, что человекъ, требующій писемъ, вовсе не сынъ Кинка; пришлось улазиться. Тогда Тропманъ немедленно уѣхалъ въ Парижъ.

Замѣтимъ кстати, что приѣмщикъ гебвиллерскаго почтамта могъ бы въ этомъ случаѣ выказать нѣсколько большую рѣшимость и энергію. Онъ поступилъ безукоризненно относительно требуемыхъ отъ него писемъ; но съ другой стороны, является незнакомецъ и проситъ выдать ему письма на довольно значительныя суммы, выдавая себя за сына лица, къ которому адресованы эти письма. Тутъ случается свидѣтель и говоритъ незнакомцу: «вы не тотъ, за кого выдаете себя». Стало бытъ, очевидно, приѣмщикъ имѣлъ дѣло по меньшей мѣрѣ съ воромъ, а между тѣмъ онъ не принимаетъ никакихъ мѣръ и даетъ ему беспрепятственно удалиться. Этотъ поступокъ мы не задумаемся назвать важнымъ упущеніемъ и непроетительной небрежностью.

Мы допускаемъ, съ другой стороны, что послѣ того какъ Тропманъ не былъ арестованъ по инициативѣ приѣмщика, никто не началъ судебного преслѣдованія противъ незнакомца за его, по меньшей мѣрѣ, двусмысленную попытку, потому что этого незнакомца почти тотчасъ же выгородилъ самъ Густавъ Кинкъ; этотъ несчастный юноша, приѣхавъ 7 сентября, сказалъ приѣмщику: «человѣкъ, который на дняхъ явился подъ моимъ именемъ, — пріятель моего отца и дѣйствовалъ по его порученію». Этимъ объясняется, какимъ образомъ попытка Тропмана въ гебвиллерскомъ почтамтѣ сначала была оставлена безъ вниманія. Но при всемъ томъ, господа, нельзя не сказать, что еслибы 2 сентября приѣмщикъ арестовалъ Тропмана, большаго несчастія не случилось бы. Самаго Кинка уже не было въ живыхъ, но жена его и дѣти не были бы убиты Тропманомъ, которому безпечность упомянутаго чиновника дала возможность продолжать начатое.

(До слѣд. №).

ДѢЛО ТРОПМАНА.

Обвинительная рѣчь прокурора Гран-перре.

(Продолженіе).

Тропманъ пріѣзжаетъ въ Парижъ 3-го сентября около 10 часовъ вечера, тотчасъ же отправляется на сѣверную желѣзную дорогу, 3-го онъ садится въ карету и велитъ везти себя въ Руба. Онъ говоритъ, что въ Парижѣ встрѣтилъ Жана Кинка на станціи желѣзной дороги, что сообщилъ ему о своей неудачѣ въ Гебвиллерѣ и что Жанъ Кинкъ, котораго удерживаютъ въ Парижѣ нужныя дѣла, поручилъ сыну своему, Густаву, отправиться въ Альзасъ получать деньги, причемъ онъ показываетъ женѣ его письмо, будто бы продиктованное ему и подписанное Кинкомъ.

Спрашиваю васъ, господа, могли ли позднѣйшія признанія подсудимаго прибавить что нибудь къ тому, что я уже сказалъ.

Тропманъ выписываетъ Жана Кинка въ Альзасъ, онъ же его встрѣчаетъ въ Больвиллерѣ на станціи желѣзной дороги, его же видятъ въ Зульцѣ съ Жаномъ Кинкомъ, и при немъ же вскорѣ находятъ бумаги этого несчастнаго. Что же въ томъ, что Тропманъ впослѣдствіи признается, что онъ подписалъ подложный чекъ на 5,500 франковъ? Прибавляетъ ли это позднее признаніе что нибудь ко всему уже слышанному? Мы и безъ того знаемъ, что дѣло такъ происходило, и, въ тоже время, въ глубинѣ души убѣждены, что поѣздка въ Руба была одна изъ самыхъ гнусныхъ чертъ этого ужаснаго дѣла.

Этотъ человекъ, котораго семейство Кинкъ дружески приняло подъ свой кровъ, которому извѣстны были любовь и уваженіе этой женщины и дѣтей къ главѣ семейства,—этотъ человекъ, убійца Жана Кинка, зарывшій тѣло его въ Альзасѣ, осмѣливается снова явиться среди этого семейства, не опасаясь что тайный инстинктъ заславитъ несчастныхъ отшатнуться отъ него. Онъ осмѣливается переступить порогъ этого дома, и не боится, что самыя стѣны содрогнутся при видѣ его. Онъ входитъ, умѣетъ состроить дружескую фазіономию, и, замышляя въ душѣ неслыханное убійство, разыгрываетъ роль человека принесшаго добрую вѣсть, посланнаго огцомъ семейства, имѣющаго отъ него полномочіе, и, въ подтвержденіе, предъ-являетъ фабрикованное имъ самимъ письмо. «Дѣдайте все», говорится въ этомъ письмѣ, «что скажетъ вамъ Тропманъ».

Несчастное семейство! если оно повѣритъ этимъ словамъ—оно погибло! И что же?—оно имъ вѣритъ. Да и можно ли догадаться о такомъ коварствѣ? Можно ли пропикнуть въ эту душу, и прочесть въ ней повѣсть совершеннаго преступленія и преступленія замышляемаго.

Суждено было всему совершиться. Тропманъ возвращается въ Парижъ. Тутъ то онъ пишетъ все письма, уже прочитанныя въ судѣ. 3 сентября, подъ именемъ Жана Кинка, онъ написалъ г-жѣ Кинкъ, что Тропманъ ему, Кинку, разсказалъ о своемъ посѣщеніи въ Руба. 8-го сентября, полагая, что уже пришла довѣренность на имя Густава Кинка и что самъ Густавъ скоро вернется въ Парижъ, Тропманъ пишетъ г-жѣ Кинкъ, чтобы она сама собралась туда же со всеми дѣтьми. Въ тотъ же день Тропманъ еще пишетъ Густаву, все подъ именемъ Жана Кинка, чтобы онъ не уѣзжалъ изъ Гебвиллера, не получивъ тѣхъ 5,500 франковъ, и чтобы сѣсть на желѣзную дорогу непременно такъ, чтобы пріѣхать въ Парижъ вечеромъ. Въ письмѣ отъ 8-го сентября, г-жѣ Кинкъ наказывается забрать съ собою всехъ дѣтей и привезти все нужныя бумаги и ѣхать на двухъ-часовомъ поѣздѣ, такъ чтобы прибыть въ Парижъ въ 10 ч. 45 м. вечера, никакъ не раньше, «потому что», поясняетъ въ письмѣ своемъ мнимый Жанъ Кинкъ, «меня не будетъ въ Парижѣ въ теченіе дня, я долженъ буду ѣхать въ Фонтебло и возвращусь оттуда вечеромъ къ восьми часамъ».

Но Густаву Кинку не удалось получить денегъ въ Гебвиллерѣ. 10-го сентября отправлены двѣ телеграммы: въ одной изъ нихъ г-жѣ Кинкъ приказывается оставаться въ Руба и дожидаться письма, въ другой — Густаву приказывается точно также не выезжать изъ Гебвиллера до получения письма. Того же 10-го сентября, мнимый Жанъ Кинкъ по почтѣ пишетъ г-жѣ Кинкъ, чтобы она отложила свой отъѣздъ впередъ до новаго распоряженія и успѣшила выслать довѣренность, которой Густавъ еще не получилъ. Въ письмѣ, отправленномъ Густаву по почтѣ того же дня, все будто бы отъ отца, ему приказывается не уѣзжать изъ Гебвиллера, не получивъ денегъ, а главное, ни подъ какимъ видомъ не произносить имени пріятеля, т. е. Тропмана. Г-жѣ Кинкъ сказано, чтобы она готовилась пріѣхать 16-го, потому что, по расчету убійцы, Густавъ долженъ былъ быть въ Парижѣ 14-го. Замѣйте, господа, что Тропманъ всегда имѣлъ въ виду, чтобы прошло цѣлыхъ два дня между пріѣздомъ Густава и пріѣздомъ г-жи Кинкъ съ дѣтьми. Когда онъ думалъ, что Густавъ пріѣдетъ 9-го или

10-го числа, онъ писалъ ей 8-го числа, чтобы она не пріѣзжала ранѣе 11-го числа вечеромъ; когда Густавъ увѣдомляетъ, что онъ не могъ получить денегъ, что у него нѣтъ довѣренности, и Тропманъ подгадываетъ, что онъ могъ получить ее въ промежутокъ между отправленіемъ и полученіемъ письма, а потому пріѣдетъ 14-го,—онъ пишетъ г-жѣ Кинкъ, чтобы она собралась не ранѣе 16, а такъ какъ Густаву на самомъ дѣлѣ удастся пріѣхать только 17-го, то Тропманъ именно 17-го заставляетъ Густава написать г-жѣ Кинкъ, чтобы она пріѣзжала только вечеромъ 19-го.

15 сентября Густавъ посылаетъ телеграмму Жану Кинку, въ которой говоритъ ему, что не получилъ довѣренности. Но Тропманъ, получивши отъ Эмиля письмо, въ которомъ говорилось, что довѣренность выслана въ Гебвиллеръ съ отправленіемъ на почтѣ, отвѣтилъ въ тотъ же день на телеграмму Густава слѣдующею телеграммой: «Загляни на почту: довѣренность должна быть тамъ». На другой день Густавъ отправилъ еще послѣднюю телеграмму, заключающую въ себѣ одно слово: «ѣду» безъ всякаго объясненія. На этотъ разъ подсудимый сознается, что деньги получены, и вы вѣроятно уже поняли, что онъ получилъ письмо отъ Эмиля съ извѣстіемъ о высылкѣ довѣренности въ Гебвиллеръ. 15-го числа онъ отвѣтилъ на телеграмму Густава, извѣщавшаго, что онъ не получалъ довѣренности, другою телеграммою: «Загляни на почту: довѣренность должна быть тамъ». Онъ это зналъ изъ письма Эмиля; вотъ почему онъ отправилъ телеграмму 15-го сентября, а на слѣдующій день Густавъ отвѣтилъ ему: «ѣду». Стало быть Густавъ получилъ деньги не дождавшись выдачи денежныхъ писемъ, отправился на почту, взялъ бывшую уже тамъ довѣренность — вотъ почему Густавъ могъ писать: «ѣду». Тогда подсудимый долженъ былъ подумать, что онъ близокъ къ торжеству, и почувствовать адскую радость. Онъ не зналъ, не могъ знать, что Густаву нельзя было получить 5,500 фр., потому что довѣренность была неправильно составлена. Густавъ въ своей депешѣ не далъ никакого объясненія, а только написалъ: «ѣду», не упоминая о томъ, что происходило на почтѣ.

Итакъ, мы видѣли Тропмана въ Парижѣ, пишущаго весь этотъ рядъ писемъ и телеграммъ, которыхъ я не читаю вамъ, чтобы не затянуть дѣла.

Онъ увѣрялъ, что вся эта переписка велась имъ подъ диктовку Жана Кинка; увѣрялъ, что Жанъ Кинкъ находился въ Парижѣ съ 26-го августа и оставался тамъ до прибытія своего семейства, что они были въ Парижѣ вмѣстѣ съ 4 сентября,

ДѢЛО ТРОПМАНА.

(Окончаніе).

Защитительная рѣчь адвоката Лашо.

Гг. судьи и гг. присяжные! Тропманъ просилъ меня защитить его, слѣдовательно, я готовлюсь исполнить обязанность. Люди незнающіе въ чемъ состоитъ призваніе адвоката, по крайней мѣрѣ некоторые изъ нихъ, могли этому удивиться; эти люди говорили, что есть такіе гнусныя преступленія, такіе ужасные преступленія, для которыхъ невозможно даже и пытаться испрашивать смягченія наказанія. Эти люди, господа, ошибались, и въ своемъ благородномъ негодованіи смѣшали правосудіе съ гнѣвомъ и местью. Они не поняли, что подъ вліяніемъ страстнаго чувства жалости къ несчастнымъ жертвамъ, они требуютъ, чтобы само общество совершило преступленіе, пожертвовавъ своему чувству закономъ. Я иначе понимаю обязанности защитника. Законодатель хотѣлъ, чтобы въ пользу подсудимаго, какой бы онъ ни былъ, раздалось хотя одно честное, горячее слово. Законъ, по сущности своей, спокоенъ, господа, и будучи неспособенъ къ увлеченіямъ даже самымъ благороднымъ, принялъ за основное правило, что истину тогда только можно отыскать, если разыскивать ее будутъ и обвиненіе, и защита; онъ постигъ, что приходитъ часъ, когда нужно удалиться отъ кровавыхъ зрѣлищъ, постигъ, что не все дѣло въ жертвахъ, что нужно также принять въ соображеніе обвиненнаго человѣка, его натуру, его увлеченія, степень его развитія, его нравственное состояніе, и потому сказалъ адвокату: «ты будешь стоять съ нимъ у рѣшетки (à la barre), будешь руководиться своею совѣстью». Таково было и первое слово произнесенное президентомъ на этихъ торжественныхъ преніяхъ, когда онъ напомнилъ защитнику, что все, что онъ будетъ говорить въ пользу подсудимаго, должно быть почерпнуто изъ его совѣсти. Право защиты, свобода защиты отдаются закономъ на совѣсть адвоката, и вы можете быть увѣрены, что въ своей рѣчи я буду доискиваться истины. Если когда либо уголовное дѣло нуждалось въ защитѣ, то именно это. Совершенно небывалое преступленіе, сопровождаемое ужасающими подробностями, весь міръ потрясенъ молвою о пантескомъ злодѣяніи и среди этого общаго волненія, этого горячаго негодованія, подстрекающаго васъ къ непреклонной строгости, развѣ вы не понимаете, что слово защитника должно предохранить васъ отъ опасности. Вы клялись не интересами общества, не интересами подсудимаго. Вы обязались быть спокойными, разыскивать истину внѣ бурныхъ страстей толпы, клялись дать вашей совѣсти говорить, когда вы соберетесь съ мыслями и все выслушаете. Умоляю васъ, замкните ее въ себѣ, имѣйте на столько твердости духа, подождите.

Господа, я представляю вамъ истину, такъ какъ самъ ее понимаю, а не такъ какъ представляеть ее подсудимый. Неужели вы думаете, что я стану повторять его слова? Неужели вы составили себѣ такое понятіе о моей профессіи, которая была бы самымъ жалкимъ ремесломъ, еслибы я долженъ былъ ограничиваться повтореніемъ всѣхъ его объясненій. Успокойтесь, господа, я буду защищать Тропмана такъ, какъ дозволяетъ мнѣ совѣсть. Я его адвокатъ, но начну съ того, что буду его судьею. Вѣдь не мнѣ произносить приговоръ. Я могу только представить вамъ нѣкоторыя соображенія и послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ я обязанъ сказать вамъ все, что я думаю объ этомъ дѣлѣ. Защита принадлежитъ мнѣ, а тутъ хозяинъ, я не эгоистъ подсудимаго, а эго собственнн мой совѣсти.

Что такое Тропманъ? Я вотъ уже два мѣсяца бьюсь надъ этимъ вопросомъ и не

разрѣшилъ его. Какая у него натура? Человѣкъ это или тигръ? Сознаетъ-ли онъ свои поступки, или это безумецъ, у котораго Богъ отнялъ человѣческой разумъ? Прощу извиненія у обвинительной стороны, но тутъ вся проблема. Всѣ чувства, которые волнуютъ прокурорскій надзоръ я и самъ ихъ ощущаю—эти трупы, эта рѣзня—кто изъ присутствующихъ не содрогался при подобныхъ воспоминаніяхъ? Г. президентъ какъ-то вчера замѣтилъ, что тогда какъ весь міръ содрогается—одинъ человѣкъ остается спокоенъ. Почему же? Какъ создалъ его Богъ? Онъ молодой, ему двадцать лѣтъ, и этотъ, почти что ребенокъ, совершилъ, если онъ былъ одинъ, злодѣянія какихъ невидывалъ свѣтъ. Онъ принадлежитъ къ скроному, бѣдному, даже убогому семейству. Тропманъ близко видѣлъ нужду; душа его, увлеченная, возмущалась противъ общества, предоставившаго его на произволъ подобной участи. Едва до 14 лѣтъ поселился въ маленькую школу и эти первые годы жизни прошли для него мрачно, озабоченно. 14-ти лѣтъ, когда другія дѣти думаютъ о забавахъ, онъ мечталъ о богатствѣ, и въ то время, когда другія предаются увеселеніямъ приличнымъ ихъ годамъ, онъ углублялся въ свою любимую мечту. Онъ вышелъ изъ маленькой сельской школы и принялся за работу. Вы слышали что говорили свидѣтели объ этой порѣ его жизни. Были-ли у него удовольствія? Никогда, ни одного. Искалъ-ли онъ развлеченія въ какой нибудь деревенской любви? Никогда. Ходилъ-ли онъ въ кабаки? Имѣлъ-ли товарищей, друзей? И того не было. Онъ точно сжился со своею одною неотступною мыслью—о богатствѣ; онъ далъ себя заманить этому обманчивому марева, которое должно было завлечь его въ погробель.

Г. прокуроръ читалъ вамъ показаніе свидѣтелей, вызванныхъ въ его пользу. Разберу ихъ въ свою очередь. Что же говорятъ эти свидѣтели? Тропманъ какъ-то сказалъ: «будь у меня 500 франковъ, у меня скоро было бы и 500,000; у меня есть секретъ, но я тщательно скрываю свое изобрѣтеніе. Люди злы—они бы меня ограбили». Дѣйствительно, онъ одинъ работалъ въ этой школѣ; онъ читалъ умѣлъ, покупалъ научныя книги, занимался химіей и бѣгалъ тѣ открытія, которымъ удивлялся почтенный и некусынъэкспертъ г. Руссенъ. Кроме того, онъ увлекался опасными чтеніями. Изъ романовъ онъ всѣмъ другимъ предпочиталъ тѣ, въ которыхъ наиболѣе всякихъ ужасовъ и бѣдствій. Одному изъ свидѣтелей онъ говорилъ, что особенно любить *Вичнаго Жида*; а въ другой разъ, въ разговорѣ со свидѣтелемъ Дурсономъ, интересное показаніе котораго было вчера прочитано г. президентомъ, онъ сдѣлалъ слѣдующее характеристическое замѣчаніе: «человѣкъ читающій много романовъ, всѣ ихъ носитъ въ головѣ, засыпаетъ съ ними, но тотъ который читаетъ и перечитываетъ одинъ романъ у того составляетъ *idée fixe*». Вотъ вамъ этотъ человѣкъ, ребенокъ или отрокъ, какъ хотите назовите его, мрачный, молчаливый, углубленный въ свои мечты о богатствѣ и питающій умъ свой одностороннимъ чтеніемъ. И въ этой жизни, столь печальной, столь одинокой и въ тоже время столь полной сердце его осталось чисто, онъ сохранилъ любовь къ семьѣ. Если вы хотите видѣть слезы на его сухихъ глазахъ, если хотите, чтобы онъ мгновенно весь растаялъ, только заговорите съ нимъ о его матери... Да, мать его это полюсь его существованія... (Тропманъ плачетъ, закрывъ лицо руками).

Я нарочно начинаю защитительную рѣчь мою этимъ воспоминаніемъ. Человѣкъ-ли онъ или извергъ, Тропманъ все таки созданіе божіе. Слушайте: Жанъ Кинкъ только что убитъ, Тропманъ знаетъ, что въ въ домъ итъ хлѣба; онъ несетъ тула 20 франковъ. Деньги эти добыты преступленіемъ, скажете вы; да, но онъ выдавалъ себя отдавалъ эту сумму. И когда въ Парижѣ извѣстно было о всѣхъ его злодѣяніяхъ, когда ему надо было бѣжать, онъ, прежде чѣмъ подумать о своей безопасности, послалъ 100 франк. матери. Вотъ вамъ весь человѣкъ, со всѣми его беззаконіями, съ его загадочною натурою и крошечной свѣтлою точкою затерянной въ его душѣ.

Онъ отирается въ Рубѣ, входитъ

тамъ въ сношеніи съ самымъ почтеннымъ и самымъ злополучнымъ семействомъ. Ужъ не думаете-ли вы, что я скажу что нибудь противъ супруговъ Кинкъ и ихъ дѣтей, и чувствую къ этому семейству немалое уваженіе чѣмъ г. генераль-прокуроръ. Да, это было семейство благословенное Богомъ, неподволь проложившее себѣ дорогу, и казалось, что Богъ, прежде чѣмъ обрушится на него всю свою строгость, долгие время нпнесылалъ ему всевозможныя блага. Этотъ простой рабочій и жена его однимъ трудомъ и бережливостью сколотили состояніе почти во 100 тысячъ франковъ. Повѣрите, что сердцу моему отрадно останавливаться на этихъ жертвахъ, засвидѣтельствовать имъ мое глубокое уваженіе и безконечное участіе. Но, высказавъ эти чувства, я не могу отстунить отъ истины. Зачѣмъ Жанъ Кинкъ ухалъ въ Альзасъ и какія у него были дѣла съ этимъ молодымъ человѣкомъ—не знаю. Неужели дѣло шло о фальшивой монетѣ? Нехочу этому вѣрить. Мнѣ неможетъ быть никакой надобности оскорбить память несчастнаго, и однако тутъ были какія то темныя денежные дѣла. Можно-ли безусловно принять въ этомъ случаѣ объясненія свидѣтелей? Нѣтъ. Онъ не затѣмъ халъ въ Альзасъ, чтобы настроить этажъ къ своему дому или поручить неопытному юношѣ купить себѣ землю, и не затѣмъ онъ халъ, чтобы накушть бронецъ и повторить спекуляцію нѣсколько разъ удававшуюся ему въ прежнія поѣздки. Нѣтъ, тутъ есть какая-то неизвѣстная мнѣ тайна, тутъ, на самой исходной точкѣ дѣла, все загадочно. Этотъ юноша не видится съ Кинкомъ въ его семействѣ. Они встрѣчаются въ кабаки, всегда садятся за отдѣльный столъ, всегда разговариваютъ въ полголоса, на языкѣ, котораго непонимаютъ окружающіе.

Существуетъ одно письмо извѣстное вамъ, но на которое, какъ мнѣ кажется, не обращено достаточно вниманія. Вотъ оно: отъ 21 августа. «Любозный г. Кинкъ, пишетъ Тропманъ:—я ходилъ смотрѣть все ли въ порядкѣ. Что это значитъ? А далѣе «я нацѣлъ комнату, въ которой намъ можно будетъ дѣлать все что хотимъ»... А это что значитъ? зачѣмъ ему кавалъ та загадочная комната въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вся его семья за счастье бы почла принять его. Развѣ не ясно, что тутъ есть что то неразгаданное, какая то надежда, пожалуй и обманчивая, но все таки что то доказывающее, что онъ ухалъ не затѣмъ, чтобы купить клочекъ земли. Еще далѣе говорится: «мы отправимся прямо въ замокъ Ватвиллеръ». Къ чему эта прогулка? Не хочу доискиваться, нехочу утверждать, чтобы было справедливо объясненіе данное Тропманомъ. Боже упаси меня отъ подобнаго обвиненія, которое легко бы могло быть клеветою. Но я утверждаю, что тутъ была какая то загадочная цѣль, и вамъ извѣстно, что Жанъ Кинкъ ухалъ въ надеждѣ нажить много денегъ.

Слушайте далѣе. Что такое Кинкъ? Благородная натура, «сказалъ одинъ свидѣтель, на вопросъ г. президента, но не хотѣлъ прибавить, легковѣрная». Онъ ухалъ, собираясь предпринять что то крупное, долженствовавшее принести ему милліоны. Существуетъ письмо подпсавное Кинкомъ; письмо это, правда, подложное, написанное Тропманомъ, но оно принимаетъ громадную важность потому, что доказываетъ, что г-жа Кинкъ знала обо всемъ. Въ этомъ письмѣ ей пишется, чтобы она не тревожилась, что онъ не можетъ возвратиться такъ скоро какъ онъ думалъ, что всему семейству надо пріѣхать въ Парижъ дня на два или на три. О расходахъ не безпокойся, присовокупилось далѣе: онъ насъ не разоритъ, Тропманъ далъ мнѣ полмилліона могла ли бы г-жа Кинкъ этому повѣрить если бы мужъ ей ничего не говорилъ. Онъ, за одно съ нею, распускалъ какіе то слухи, чтобы объяснить свой отъѣздъ, но ей очень хорошо было извѣстно, что онъ отправлялся въ надеждѣ сдѣлать состояніе. Наконецъ, вы слышали отъ почтеннаго свидѣтеля г. д'Оссонвиля, сосѣда Кинка, что его пугали таинственными рѣчи г-жи Кинкъ. Вотъ вамъ исходная точка. Да, Жана Кинка убили, его заманили въ ужасную западню, въ которой онъ погибъ, но эта первая загадка

можетъ многое объяснить, когда я стану разбираться могъ ли Тропманъ совершить это первое преступленіе.

Жанъ Кинкъ не возвращается. Онъ убитъ въ окрестностяхъ того самаго замка Ватвиллеръ, въ который они должны были отправиться съ Тропманомъ. Мнѣ итъ возможности, да и надобности, слѣдовать шагъ за шагомъ, за г. генераль-прокуроромъ въ этомъ разсказѣ, необходимомъ для обвиненія, бесполезномъ для защиты. Чего ищу я? Какая мысль въ настоящее время руководитъ мной? Я нехочу скрашивать ужаса этихъ слѣдовавшихъ одно за другимъ убійствъ, сначала отца, потомъ старшаго сына, потомъ матери, потомъ пяти бѣдныхъ малютокъ, убитыхъ, истерзанныхъ киркою. Все это ужасно; и съ этимъ исполнѣ согласенъ, но спрашиваю себя, кто это сдѣлалъ? Былъ ли Тропманъ одинъ, было ли ихъ нѣсколько? Въ этомъ весь вопросъ для васъ, господа присяжные, и для общества.

Неужели вы думаете, что достаточно осудить человѣка, не возстановивъ полную истину фактовъ? неужели вы думаете, что весь міръ, содрогнувшійся при этомъ разсказѣ, останется доволенъ если падеть одна голова и извѣстно будетъ, что не всѣ виновные схвачены? Развѣ не необходимо, для успокоенія совѣсти всѣхъ честныхъ людей, узнать всю истину и не оставить возможности сомнѣнія. Если вы въ обвиненіи не находите всей истины, то выслушайте защиту, господа, въ которой вамъ будутъ представлены если не самые факты и имена, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя указанія. Вѣдь въ этомъ главный интересъ преній. Вы говорите: «Тропманъ лгунъ, онъ хочетъ хоть на нѣсколько часовъ продлить еще свою жизнь, продлить свое жалкое существованіе». Извините, г. генераль-прокуроръ, вы не знаете подсудимаго, если говорите, что ему хочется продлить свою жизнь. Смерть для него ничего не значитъ, и если рѣшеніе господъ присяжныхъ послѣдуетъ согласно съ вашимъ требованіемъ, вы въ послѣднюю минуту увидите Тропмана спокойнымъ, такимъ точно какъ видѣли его во все время настоящихъ преній. Но если смерть ничего незначитъ для Тропмана, для насъ истина значитъ все; давайте же выѣсть разыскивать ее.

По этому пункту доводы обвиненія основываются на элементахъ, не входящихъ въ пренія. Тропманъ лгалъ на слѣдствіи, часто лгалъ. Я согласенъ съ тѣмъ, что Тропманъ недостойнымъ образомъ оклеветалъ своихъ жертвы; положимъ это позоръ, это хуже самаго убійства. Согласенъ, но наконецъ, развѣ вы хотите, что бы самъ Тропманъ судилъ себя. Я ищу истины внѣ Тропмана—ему я не вѣрю; но вѣрю свидѣтелямъ, вѣрю матеріальнымъ фактамъ дѣла.

Посмотримъ же. Въ системѣ защиты, которой держался подсудимый, бывали варианты, это несомнѣнно. Арестованный въ Гаврѣ, при извѣстныхъ вамъ обстоятельствахъ, онъ былъ вынужденъ признаться, что принималъ участіе въ ужасной трагедіи, происходившей въ ночь съ 19 на 20 сентября. Тогда еще не было открыто тѣла Кинка—отца, ни тѣла Густава Кинка. Онъ поступилъ такъ, какъ поступаютъ всѣ ничтожные люди: старался спасти себя, оклеветавъ невинныхъ. Въ послѣдствіи отыскалось тѣло Густава Кинка. Тропманъ и тутъ пытался отлѣкаться, сказалъ, что отецъ убилъ жену и пятерыхъ малютокъ, убилъ также и Густава, но ему были сдѣланы возраженія, онъ, наконецъ, призвалъ одного изъ судей и объявилъ ему, что былъ одинъ, что одинъ совершилъ всѣ пантескія злодѣянія. Развѣ этимъ заявленіемъ Тропманъ не внесъ въ дѣло элементъ истины, развѣ безъ него было бы отыскано тѣло Жана Кинка и до нынѣшняго дня? Легко сказать обвиненію! у насъ было нравственное доказательство, что именно Тропманъ убилъ Жана Кинка. Нравственное, пожалуй; но матеріальное? Развѣ вы не искали этаго тѣла цѣлый мѣсяцъ и все таки не отыскали? Наконецъ, по новому и точнѣйшему указанію Тропмана, розыскны увѣнчались успѣхомъ. Тогда онъ сдѣлалъ еще шагъ. Онъ уже прежде говорилъ: «я его отравилъ». Тутъ

онъ присовокупилъ: «я самъ добылъ ядъ». Никто не вѣрилъ, однако наука подтвердила его слова. Тропманъ пошелъ еще далѣе. Онъ сказалъ: «я не одинъ совершилъ эти преступленія. Отца и убитъ съ помощью трехъ соучастниковъ, Густава съ помощью двухъ; наконецъ, 19 сентября, у меня было три соучастника». Тогда его спросили объ именахъ соучастниковъ. Онъ ихъ не назвалъ. А ему говорятъ: «почему вы не называете именъ?» А если ему нельзя? Легко сказать подсудимому: «вы въ крайнемъ положеніи, вы во власти правосудія, которое можете обезоружить только искренностью: вы не хотите говорить именъ вашихъ соучастниковъ, стало быть вы солгали. Вы говорите, что у васъ есть соучастники — скажите же ихъ имена». Ахъ, господа присяжные, есть положенія, которыя нужно уметь уважать.

Тропманъ не говоритъ именъ своихъ соучастниковъ, но мнѣ онъ хотѣлъ сказать ихъ; я самъ не захотѣлъ. Я не хотѣлъ носить съ такой страшной тайной. Но когда говоритъ онъ вамъ: «пишите бумажнику и вы найдете мнѣхъ соучастниковъ», — почему не подарить этому несчастному мѣсяцъ жизни, чтобы добиться истины. Онъ говоритъ вамъ: «у меня есть причины, причины мнѣ одному извѣстныя, по которымъ не могу назвать этихъ именъ, но есть тамъ-то бумажникъ — отыщите его и вы узнаете истину». Онъ хочетъ ѣхать въ Альзасъ. Развѣ онъ просился въ Альзасъ, чтобы найти тѣло Жана Кинка? А что, если этому человѣку хочется облегчить свою совѣсть, если у него не стало силъ и хочется ему, не выдавая своей тайны, избавиться отъ нее? Уже искали, скажете вы. Положимъ — но искали всего разъ, ничего не нашли и остановились. Когда нужно было отыскать Жана Кинка, ни надъ чѣмъ неостанавливались. У Тропмана требовали множество указаній, чтобы руководиться ими при новыхъ розыскахъ. Почему не поступить также на счетъ бумажника? Вѣдь вспомните то, что тѣло Жана Кинка искали 500 человѣкъ, рылись вездѣ, дошли до того, что прибѣгали къ сомнамбуламъ; пусть правосудіе отъ этого не отпирается: сомнамбулу привели на указанное мѣсто, магнитизировали ее и, само собою разумеется, она ничего не открыла. А теперь этому несчастному юношѣ отказываютъ въ просьбѣ, не хотятъ даже поискать бумажника. Я знаю, что и имѣлъ право заявить свои выводы суду, но мнѣ никогда не приходило на умъ задерживать ходъ правосудія. Я только спрашиваю васъ, почему оставлять безъ вниманія настойчивость подсудимаго, когда онъ говоритъ: «я на все согласенъ, если проверка, которой я требую, не приведетъ къ извѣстному результату». Почему не отложить кровавой развязки на нѣсколько дней, чтобы добиться истины?

Г. генераль-прокуроръ отнесся ужъ очень легко къ этой части защиты. Фремонъ, сказавъ онъ, ошибся. Я же вамъ докажу съ часами въ рукахъ, что у Тропмана были соучастники, а когда докажу, угодно-ли будетъ обвинительной сторонѣ остановиться? Или я сильно ошибаюсь, или, выслушавъ мои доводы, ни укого не останется въ этомъ сомнѣніи. Подсудимаго я тутъ и въ счетъ не принимаю. Неужели вы думаете, что я стану спорить его словами?

Отца еще пожалуй онъ могъ уходить одинъ—да и то еще, подумайте, какія должны были встрѣтиться ему трудности въ исполненіи, и спросите себя вашъ умъ — легко ли было справиться съ этимъ дѣломъ. Какъ могъ одинъ человѣкъ тащить трупъ такую даль, по такой трудной дорогѣ, среди бѣлаго дня, на виду у всѣхъ, и выкопать ему, не имѣя ни лопаты, ни кирки? По моему, если это и возможно, то все же невѣроятно. Исполненіе преступленія сопровождалось такими трудностями, которыя требовали помощниковъ.

Что касается Густава, я пожалуй согласенъ, что Тропманъ одинъ могъ убить его и зарыть; что же касается семейства—это невозможно. Я сказалъ бы тоже самое если бы у меня даже не было свидѣтелей, а свидѣтели у меня есть — если бы даже никто не видалъ соучастниковъ, а ихъ видѣли. Что говорить обвиненію? Тутъ нужно разобратъ поближе. Тропманъ, говоритъ онъ, купилъ лопату и кирку въ 5 часовъ, пришелъ за ними въ 8 часовъ, съѣлъ въ омнибусѣ и поѣхалъ въ Обервилль, выкопалъ яму, возвратился и, вернувшись въ Парижъ, отправился на сѣверную желѣзную дорогу; засталъ тамъ семейство Кинкъ, посадилъ его въ карету и всѣ вмѣстѣ прѣехали на мѣсто, указанное кучеромъ Бардо; тутъ онъ заставилъ выйти изъ кареты мать съ двумя дѣтьми и убилъ ихъ однимъ пожемъ, который у него сломался; потомъ возвратился за остальными тремя дѣтьми и довершилъ начатое; наконецъ закопалъ всѣ трупы, тщательно умявъ надъ ними землю и вернулся въ Парижъ въ 5 или 6 часовъ. Вотъ какъ дѣло происходило, по словамъ обвиненія, которое опирается на науку.

Позвольте мнѣ сказать, во первыхъ, что «наученіе» не хватало времени, а во вторыхъ, что показания нѣкоторыхъ свидѣтелей, доказываютъ, что у Тропмана были соучастники.

Во-первыхъ, во первыхъ, время. Въ какомъ часу Тропманъ былъ въ Обервилль и что онъ дѣлалъ? Въ 5 часовъ онъ купилъ инструменты въ желѣзной лавкѣ и пришелъ за ними въ 8; онъ ли съѣлъ съ ними въ омнибусѣ, этого я незнаю. Если онъ, то это было въ 9 часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ; въ 9 часовъ онъ прѣехалъ на мѣсто извѣстное подъ названіемъ «Четырехъ Дорогъ», оттуда ему надо было отправиться на то мѣсто, гдѣ была вырыта яма, на разстояніи слишкомъ 600 метровъ.

Какихъ же размѣровъ эта яма? Длиною она въ три метра, глубиною въ сорокъ сантиметровъ, шириною въ шестьдесятъ сантиметровъ. Скажите сами сколько времени нужно было, чтобы выкопать подобную яму? А выкопавъ ее, ему нужно было воротиться, поспѣть на сѣверную желѣзную дорогу. Когда онъ пришелъ туда, который былъ часъ? Кучеръ Бардо сказалъ: «въ мою карету съѣли безъ десяти минутъ однадцать». Какимъ же образомъ могъ онъ въ такое короткое время сходить въ поле, вырыть тамъ яму и воротиться на желѣзную дорогу? Если вы допускаете, что это возможно, это конечно будетъ истинно, потому что вы судьи, вы рѣшаете дѣло, а ваше рѣшеніе будетъ признано за истину; но *такимъ образомъ* вы рѣшите его не можете, потому что тутъ есть физическая невозможность, о которую разбивается обвиненіе. Развѣ вы не находите ничего поразительнаго въ заявленіи Тропмана, что у него были соучастники и что, когда онъ пришелъ, яма была уже готова?

Но далѣе. Тропманъ наймаеетъ кучера Бардо въ 11 часовъ безъ 10 минутъ. Онъ выходитъ изъ кареты съ матерью и двумя дѣтьми и приводитъ ихъ на мѣсто, гдѣ вырыта яма, на разстояніи 550—600 метровъ; затѣмъ, убивъ ихъ, возвращается, пройдя опять тѣже 600 метровъ. Сколько же употребилъ онъ на это времени? По словамъ Бардо, 20 минутъ.

Возможно ли въ 20 минутъ пройти 1200 метровъ и убить трехъ человѣкъ. Если бы онъ употребилъ часъ, ну хоть три четверти часа, а бы не спорилъ, но въ 20 минутъ—невозможно.

Генераль-прокуроръ ссылается на науку. Однако позвольте мнѣ разобратъ заявленія докторовъ, потому что я никакъ не могу принять ихъ безусловно, особенно относительно второй группы жертвъ. Доктора вынуждены были признаться, что съ перваго взгляда кажется совершенно невозможнымъ чтобы подобное преступленіе было совершено однимъ человѣкомъ. *(Лето читаетъ записку медиковъ и окончивъ чтеніе продолжаетъ)*.

Вотъ эта записка, господа. Я вамъ прочелъ ее почти цѣлкомъ, чтобы показать вамъ, что эксперты прежде всего поразила невозможность совершенія подобнаго преступленія однимъ человѣкомъ. Вѣдь все это, обсудите,—и съ медицинской точки перейдемъ на юридическую. Позвольте, во-первыхъ, спросить васъ, возможно-ли то, что предполагаютъ доктора? Но, сначала, мнѣ нужно возразить на одно замѣчаніе г. генераль-прокурора. Онъ спрашиваетъ: зачѣмъ было дѣлать жертвы на двѣ группы если убитъ было четверо? Зачѣмъ? Зачѣмъ, что дѣти были разнаго возраста—13 лѣтъ, 10, 8, 5 лѣтъ, вслѣдствіе чего имъ легче было бѣжать. Вотъ мой отвѣтъ, по моему мнѣнію удовлетворительный.

Съ первой группой дѣло пожалуй происходило и такъ, какъ говорятъ. Идетъ мать съ двумя дѣтьми. По нанесеніи ударовъ ей и ребенку, который у нея на рукахъ, другой могъ бы бѣжать, но я пожалуй уступлю на столько, что въ эту минуту былъ всего одинъ убійца. Но относительно трехъ остальныхъ чего же вы держитесь? Теорія докторовъ или заявленія Тропмана? Обвинительная сторона ссылается на его признанія—но эти признанія отзываются безуміемъ: онъ говоритъ, что прежде чѣмъ пришелъ на мѣсто, онъ взял одного ребенка, отвелъ его на бойню, потомъ возвратился за другимъ, потомъ за третьимъ. Какъ же это? неужели тѣ двое такъ и остались сидѣть, не захотѣли идти за братомъ и не убѣжали? Это невозможно, раздались бы не такіе крики, какъ тѣ, которые дошли до слуха опозднивагося свидѣтеля. Это объясненіе не принято даже медиками. Перехожу къ теоріи г. Бержерона: Тропманъ разомъ удавилъ двоихъ дѣтей, каждой рукой по одному. Слѣдовательно въ своемъ признаніи, искреннемъ, по нашимъ же словамъ, онъ опять такъ солгалъ, сказавъ, что удавилъ троихъ. Удавлено было всего двое—одинъ фуляромъ, другой руками. Доктора говорятъ, что удушеніе производить быструю смерть и что поэтому они не могли бѣжать. Какъ? ребенокъ 13 лѣтъ и другой 10 лѣтъ даже не попытался бѣжать? Нѣтъ, не было борьбы—они были поражены какъ громомъ; это собственное выраженіе одного изъ экспертовъ, выраженіе вполне справедливое. Какъ

же могъ одинъ человѣкъ троихъ дѣтей за разъ поразить какъ громомъ? Вѣдь эти дѣти не сами же стали по праву и по лѣвую руку Тропмана, что бы ему было удобнѣе. Наконецъ, третьяго онъ убилъ ударомъ въ голову. Его онъ убилъ сначала, говорить доктора. Въ такомъ случаѣ какъ же другіе двое не убѣжали, увидѣвъ брата наваго подъ ударомъ кирки? вопросъ кажется самый простой, или этого человѣкъ одаренъ геркулесовою силой. Разгазны основанныя на этомъ предположеніи совершенно несостоятельны. Это вовсе не силачъ, какъ видно изъ записки Бержерона. *(Прочитавъ и эту записку, защитникъ продолжаетъ)*.

Тропманъ можетъ быть и обладаетъ тою особою силою, которую придаетъ его ремесло, но этого еще мало, чтобы совершить вещи невозможныя,—чтобы убить одновременно троихъ дѣтей этихъ лѣтъ, такъ, чтобы ни одинъ не встривнууть, ни одинъ не оказалъ сопротивленія, ни одинъ не убѣжалъ. Итакъ, я утверждаю, что записка докторовъ еще нерѣшаеетъ дѣла.

Развѣ я здѣсь затѣмъ, чтобы его оправдывать? развѣ въ этомъ задача? Нѣтъ, я говорю обвиненію—тутъ четверо злодѣевъ. а вы судите только одного. Во имя Бога и справедливости пишите и вы найдете. Не закрывайте двери истины.

А если Тропманъ былъ не одинъ,—на сколько же именно онъ участвовалъ въ этихъ злодѣяніяхъ? Если онъ одинъ, онъ заслужилъ все проклятіе общества. Но этотъ вопросъ пока еще загадоченъ. Онъ разъяснится только въ тотъ день, когда истина узнается, вслѣдствіе новыхъ открытій, потому что вѣдь до того дня, въ который какою-то ужасною непонятною мнѣ нитригою увлекли этого юношу, мрачнаго, нелюдимаго, можетъ быть не вполнѣ владѣвшаго умственными способностями, онъ еще не обнаруживалъ кровожадныхъ склонностей, о которыхъ говоритъ обвиненіе.

На счетъ этого имѣются три свидѣтели. Приступая къ другому разряду соображеній. Пускай Тропманъ одинъ совершилъ преступленіе—вы этого непремѣнно хотите, вы это утверждаете. Но какъ задумалъ онъ ихъ? какъ пришла ему подобная мысль въ голову? я вполнѣ понимаю, что этими вопросами коснулся самой щекотливой стороны дѣла. Слышу заранѣе все что могутъ мнѣ отвѣчать, вижу всѣ улыбки, вызванныя моими словами; но я принимаю отвѣты и улыбки, и, когда защищаю жизнь человѣка, ницъ вдохновенія только въ моей совѣсти.

Если вѣрны обвинительной сторонѣ, подсудимый задумалъ не только ограбить это семейство, но и стереть его съ лица земли. Онъ прежде всего рѣшилъ какими способами достигнуть этой цѣли—рѣшилъ, что убьетъ 8 человѣкъ и выкопаетъ для нихъ яму у самыхъ воротъ громадной столовны. Если онъ задумалъ и исполнилъ это — ну, тогда это сумашедшій. О! изъ уваженія къ человѣчеству, не говорите противнаго, не допускайте, чтобы человѣкъ, который могъ задумать и исполнить подобныя ужасы, былъ одаренъ ~~какимъ~~ разсудкомъ. Скажите, что это погибшій ребенокъ, больной, сраженный Богомъ. Ему 19 лѣтъ, и онъ, убивъ 8 человѣкъ одинъ, своими силами усяетъ ихъ трупами Пантенское поле? Нѣтъ, это невозможно. Если такъ, то онъ безумецъ, преступный безумецъ. Если у него были помощники, если онъ къ своимъ дурнымъ инстинктамъ присоединилъ дурные инстинкты другихъ, если онъ попалъ въ компанію другихъ злодѣевъ—тогда это возможно, они другъ друга поддерживали; но если онъ былъ одинъ, его нельзя считать за полнаго человѣка. Въ его нравственномъ существѣ чего-то недостаетъ.

Вспомните романъ «Вѣчный Жидъ», его любимое постоянное чтеніе: Родень лѣтитъ на состояніе Ренниона, 212 милліоновъ, и, чтобы получить его рѣшается истребить всю семью. Вотъ надъ какими книгами онъ проводитъ дни и ночи, вотъ какая мысль неотвязчиво преслѣдуетъ его! — Убить восемь человѣкъ... Да вѣдь это сумашество, злоеудное помѣшательство. Если вы имѣете дѣло съ дикимъ зѣвремъ, ему надо надѣть намордникъ, а не убивать его. *(Ротомъ между слушателями)*. Я говорю по совѣсти, восклицаетъ защитникъ, и когда имѣю честь исполнять обязанность, сожалѣю о тѣхъ, которые меня не понимаютъ.

(Защитникъ знакомитъ слушателей съ англійскимъ учрежденіемъ, по которому простые помѣшанные отдѣляются отъ помѣшанныхъ преступниковъ, тогда какъ во Франціи между ними еще не дѣлаютъ различій. Онъ приводитъ сочиненіе, въ которомъ упоминается о трехъ царевубійцахъ, объявленныхъ сумашедшими самими коронными обвинителями, на основаніи совѣтовъ наиболее компетентныхъ англійскимъ ученыхъ).

Я вполнѣ знаю что мнѣ могутъ на это возразить. Мнѣ скажутъ: «онъ совершилъ восемь убійствъ и не можетъ избавиться отъ казни». Вѣдь крови можетъ до такой степени подѣйствовать на честнаго человѣка, у

котораго совѣсть безукоризненно чиста, что онъ, проливъ мести уже ничего не видитъ. Господи, не такова должна быть совѣсть у судей. Судья, осмотрѣвъ жертвы, умѣетъ обратиться отъ нихъ къ подсудимому и хладнокровно спросить его: «кто ты? откуда? почему ты такъ извращенъ? даровалъ-ли тебѣ Богъ нравственныя силы наравнѣ съ другими людьми? пользовался-ли ты образованіемъ или былъ преданъ безъ защиты своимъ мрачнымъ увлеченіямъ. Господи, когда вы поступите такимъ образомъ съ Тропманомъ, тогда вы рѣшите».

(Защитникъ, не пускаясь въ обсужденіе вопроса о смертной казни, приводитъ выдержку изъ протокола засѣданія сената, на которомъ разсматривалась петиція г-на Шарля Липаса, члена института, требовавшего, чтобы казни совершались внутри тюрьмы. Докладчикъ рѣшилъ препроводить петицію къ министру юстиціи и предложеніе было отвергнуто единственно на основаніи того, что вопросъ объ отысканіи смертной казни постоянно изгладуется и что рѣшеніе его только отложено).

Тропманъ говорилъ мнѣ сегодня: «если я буду приговоренъ къ смерти, я подамъ на апелляцію не для того чтобы продлить мою жизнь, которой я не дорожу, но для того чтобы дать время разыскать истину». После смерти этого человѣка какимъ образомъ откроете вы другихъ виновныхъ? Казня его вы отымете оружіе у общества.

Вы поступите, господа, также какъ и поступилъ: вы будете искать вдохновенія исключительно въ вашей совѣсти. Сожалѣю о тѣхъ, которые не преклонятся передъ вашими приговорами, они окажутъ неуваженіе правосудію. Надѣюсь на вашу совѣсть, надѣюсь на вашъ свѣтлый умъ и умоляю, избавленный отъ бремени глубокаго отчаянія, овладѣвшаго было мною, когда я выслушалъ всѣ обвинительные пункты, подобранные г-номъ генераль-прокуроромъ.

Р.д. Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что присяжные признали Тропмана виновнымъ, что судъ приговорилъ его къ смертной казни, и что кассационная жалоба Тропмана, поддержанная адвокатомъ Базеріаномъ оставлена безъ послѣдствій. Лето не могъ поддерживать жалобу Тропмана предъ кассационнымъ судомъ, потому что у французовъ въ этомъ верховномъ судищѣ могутъ и едиривать только адвокаты, принадлежащіе къ спеціальной корпораціи кассационныхъ.